

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Кладбище, как и смерть, появилось неожиданно. Бежавший дворовой собакой за окнами пригород отстал, и во всей своей скорбной июльской красе открылся город мертвых. Огромный. Без конца и без края.

- Вот, мама, и приехали, - роняя слезы на окостеневшее с заострившимся носом напудренное лицо покойной, произнес Лаптев. И вдруг, не в силах справиться со слезами, мелко затрясся, как паровоз засопел, раздувая ноздри и вытирая глаза мятым носовым платком. Его редкие с проплешинами волосы торчали как солома. Но Александр Николаевич не видел себя со стороны.

Под завязку набитый людьми и венками катафалк, резко тормознул. В открытую дверь горячей лавой потекла духота.

Дальше гроб предстояло нести на руках. Специально собранные для этой траурной миссии мужики с неприглядными пропитыми лицами, как случайно оборванные бусы посыпались из раскаленного катафалка. Двое по привычке, как заключенные перед этапом, присели на корточки, блаженно закурили.

- Веночки, веночки берите! – скрипучим, словно стон несмазанной телеги старческим голосом распорядилась восьмидесятилетняя Анна Кузьминична Бланк, соседка Лаптевых по лестничной площадке.

Избранная еще в советские времена старостой дома, она сразу же взяла бразды руководства похоронами на себя. Как кликуша с причитаниями ходила по квартирам, собирала – кто, сколько даст - деньги на венок, договаривалась с батюшкой о церковном отпевании, сама варила поминальную кутью.

Но, оказавшись на кладбище, нестигаемая общественница и ровесница Октября вдруг испугалась, что ее почетные административные функции, перехватит кто-нибудь другой, более молодой, энергичный и сведущий в похоронном деле. И чтобы подчеркнуть свою роль Анна Кузьминична стала к месту и не к месту давать всем ценные указания.

- Саша, сумку с водкой возьми себе! – строго наказывала она сыну покойной – пятидесятилетнему школьному учителю труда, который не знал, чем занять свои несуразно длинные руки. – И никому не отдавай, носи сам.

- Володя! Лепешкин! Хватит курить! Ты мне что обещал?.. Вот, и бросай свою соску, иди сюда! Понесешь крышку...

- Один? – убирая затушенную сигарету в карман, переспросил высокий, как пожарная каланча сутулящийся Лепешкин.

- Один! Вас здесь всего-то пять мужиков. Давай, родной, не тяни время, бери крышку - и пошли!

- Я лучше гроб понесу, - не соглашался Лепешкин.

- Слушай, что тебе люди говорят, - запричитали на него уже выстроившиеся с венками старухи.

Лепешкин сдался. Вскинув крышку под самые небеса и боднув ее снизу головой, он сразу же двинулся с места. Сначала тихонечко, глядя под ноги, чтобы не спикировать в чужую оградку. А потом все быстрее и увереннее, что ровесницы покойной, уцепившись за венки, как курицы едва поспевали за ним следом. И тут в такт их мелко семенящей процессии на новом кладбище, словно по заказу, громко завыл трубами духовой оркестр. Его адресованное неизвестно кому ностальгическое завывание достигло цели: губы у старушек задрожали, из маленьких как пуговицы глаз покатались слезы.

Анна Кузьминична, держащая в руках венок с черной лентой «Дорогой Вере Тихоновне от соседей по дому», остановилась, чтобы отдышаться и проследить, как мужчины несут гроб. В эту минуту ей, да, наверное, и не только ей одной, а всем, кому было за семьдесят, отчетливо представились их собственные похороны.

- Вы уж, ребята, поаккуратнее, ради бога! – заметила она. - Не диван несете!

- Понятное дело, - ответил косоватый в черной майке Сергей Коноплин, тащивший гроб в паре с Костей Тихоновым. – Все там, Кузьминична, будем! Господи, прости.

Из всей дворовой гвардии Коноплин был, пожалуй, самым молодым. Весной только вернулся из армии, но проводить бабу Веру в последний путь согласился без лишних слов. А вот бросившего семью тридцатилетнего здоровяка Костю Тихонова пришлось уговаривать. Минут пятнадцать, с намеком на предстоящие поминки. Но, жестко отрубив: «поможем, чем сможем», он сразу же, не отходя от кассы, решил помянуть усопшую.

- Ба Вера в отличие от некоторых, не будем показывать пальцем, всегда была человеком! - брызгал слюной Костя. - В ночь, за полночь к ней приди перехватить червонец, другой – последний отдаст. Она для меня, может, роднее матери была!

«Такому жеребцу, попробуй, не дай», - подумала Анна Кузьминична, пожалев, что связалась с громилой. Но промолчала. Почувствовав слабинку, Костя надел на нее, как заправский тать:

- Давай, тетя Нюра, не жмись. Ты мне сегодня поможешь, я тебе – завтра. А то, не приведи, Господи, отброшу копыта, если не похмелюсь.

Бланк подстреленной уточкой засемила в свою комнату и принесла припрятанную на дне комода четвертинку, купленную еще по талонам.

Лет восемь берегла среди пододеяльников и простыней на всякий пожарный случай. Приличным гостям, как сын со снохой или дочь с зятем, такой шнапс на стол не выставишь. Им коньяк подавай. Или сухое красное вино. А эту куда девать? Думала какого-нибудь сантехника или грузчика в случае необходимо-сти отблагодарит. И вот такой случай настал.

Раскрутив содержимое чекушки, Костя одним махом, словно не водку, а воду засосал ее прямо из горлышка. Вытер кулаком рот. Спросил:

- Когда надо быть?

- В одиннадцать.

- Буду, как штык...

- Саша, ты хоть помнишь, где могила? – допытывалась Анна Кузьминична у сына покойной.

- Так где-то рядом должна быть, - жадно вчитывался в надписи попадающихся на пути памятников учитель труда. - Если, конечно, не прошли...

- Вот и я смотрю что-то не то... Николай Павлович, отец твой, был метрах в десяти от дороги похоронен.

- Значит прошли. Я когда на могилу отца ходил, то всегда по березе ориентировался. Она рядом с памятником росла... А вон и она...

- Слава богу, а то я подумала, что заблудились.

Но вместо выкопанной могилы рядом с утонувшим в зарослях чертополоха памятником отцу едва угадывался ее расчищенный от травы контур. Тут же торчала и штыковая лопата. Еще одна - совковая, валялась в лопухах.

- Ни хрена себе! – не зная, что делать с крышкой гроба, присвистнул Вова Лепешкин. – Может, могилу выкопали на новом кладбище?

- Да я же сам с заведующим договаривался, чтобы здесь копали, - побагровел лицом от подскочившего сразу давления Александр Николаевич. – И он лично заверил, что в субботу к двенадцати часам могила будет готова. Ну, надо же так подвести! Пойду разбираться...

Заведующий кладбищем, мужчина лет сорока пяти, коренастый, сероглазый, с кривым, как у боксеров носом не заставил себя ждать.

- Безобразие! – забасил он, посмотрев на слегка взрыленную в ограде землю. – Бардак и саботаж! Но вы не волнуйтесь, товарищи, к виновным будут приняты самые жесткие меры, вплоть до увольнения.

Он развернулся и, шустро огибая ограды, зашагал в сторону дороги.

- Уважаемый! А нам что делать? – окликнул его так до сих пор и не снявший с головы крышку гроба Лепешкин. – Самим, что ли, могилу рыть?

- Разберемся, - не оборачиваясь, ответил заведующий. - Сейчас мы этих стервецов из-под земли достанем.

- Хорошее дельце, - примостившись на покрашенную серебрянкой ограду, бросил Костя Тихонов. – Они, значит, будут брак исправлять, а мы, глядя на них, загорать здесь до глубокой ночи. Я так не договаривался...

- Ладно, Костя, не переживай! Все будет компенсировано по полной программе, - успокаивала Анна Кузьминична.

Копали явились чуть живые. Тот, что был постарше – Петр Иванович - вообще лыка не вязал. Мотал лохматой, нечесаной головой, словно китайский болванчик и настороженно пялил по сторонам свои большие навывкате глаза. Да еще без конца чихал, словно под нос ему сунули пригоршню табака. Но молодой в солдатской робе напарник в силу своего возраста держался несколько увереннее. Он сразу, без лишних разговоров, взялся за штыковую лопату и принялся копать. Земля была мягкой, рассыпчатой. И Женька, как его звали, быстро углубился в нее сантиметров на тридцать.

Могила постепенно принимала свои очертания. И только что бурно негодовавшая похоронная процессия облегченно вздохнула: ребята хоть и поддатые, но дело свое знают.

- Николаич, - негромко позвал Костя Тихонов сына покойной. – Поди-ка сюда на минутку.

Александр Николаевич, в руках у которого все еще позвякивала сумка с водкой, словно ясновидец, быстро сообразил, зачем его зовут. Безнадежно посмотрев в сторону притомившейся с дороги Анны Кузьминичны, которая, закрыв глаза, как каша в горшке, прела на лавочке, и не получив от нее необходимой поддержки, он, насколько мог, пытался притвориться плохо слышащим, а, когда из этого ничего не вышло, побитым псом подошел к Константину:

- Чего?

- Как чего? Народ поправиться хочет, - Костя щелкнул пальцем по небритой шее.

- Погоди ты со своим народом, - не знал, как поступить школьный учитель. - На поминках поправитесь... Не до этого сейчас...

- Да мы тихо, Николаич, по чуть-чуть примем - никто и не увидит. Давай сюда «сидор», - Константин решительно протянул свою сильную в набухших венах руку. – Зачем ты тогда с собой весь этот гастроном притащил?

- Угомонись, Костя, остынь! – как ребенок спрятал сумку за спину Александр Николаевич. – Сейчас закончим с кладбищем, приедем домой, сядем, как люди за поминальный стол – и все ваше будет!

- Давай, давай сюда! – жестко, не допуская возражений, сгреб кошелку Тихонов. - Эти, - он кивнул в сторону копалей, - и так уже лыка не вяжут. Свою норму выпили с лихвой... Пусть радуются, что им харю не набили за такое отношение к работе, а не водку требуют! Мы ведь тоже люди. И тоже Веру Тихоновну хотим помянуть. Удивительной души она была человек. Ты, Николаич, не переживай. Все нормально будет. Проводим мамку в последний путь по высшему разряду. Я гарантирую...

Скуксившись от бессилия, словно пацан, у которого уличные хулиганы отобрали велосипед, Александр Николаевич был готов разреветься. Нет, ему было не жалко сумки с водкой. Подумаешь, пять бутылок. Все равно бы назад не повез. Отдал кому угодно. Копалям. Директору кладбища. Случайным бомжам на помин души покойной. Но, как всякому человеку, хоть чуть-чуть связанному с педагогикой, ему было до слез обидно, что с ним, учителем, отличником народного образования, не посчитались, не попытались уговорить. словно он был здесь не убитый горем сын покойной, а случайный прохожий!

- Мы быстро, - обнадежил его Константин.

Мужики скрылись за высоким гранитным памятником, воздвигнутым какому-то новому русскому, изображенному во весь рост с мобильным телефоном и ключами от джипа в руке. Выложенная вокруг постамента брусчатка чем-то напоминала Красную площадь, а нагромождение деревянных скамеек – парк культуры имени Горького советского периода. И поэтому разбившие рядом с памятником бивак мужики из-за обилия водки и бутербродов с колбасой почувствовали себя, как в первопрестольной.

Возле гроба, словно сонные мухи вились в основном разморенные солнцепеком старухи. Смахивающая на гоголевскую ведьму бабка Зоя что-то оживленно рассказывала.

Александр Николаевич прислушался:

- Вот и я говорю, что дурят нас, неграмотных стариков, как хотят, - кипятилась Зоя Прокопьевна. – На прошлой неделе к соседке моей Кате Строевой пришли две такие расфуфыренные дамочки. Сказали, что из собеса, проверяют жилищно-бытовые условия одиноко проживающих пенсионеров. Катя,

наивная душа, им и открыла. Даже удостоверений не спросила. Сначала на кухню провела, потом в комнату. А они, как и дельные ходят, все смотрят, записывают, перешептываются. А позавчера Катя сунулась под матрас, где «гробовые» лежали, чтобы полученную пенсию разменять, а их Митька прятал. Шесть с поло-виной тысяч как корова языком слизнула!

- Дура твоя Катя! – не удержалась Анна Кузьминична. – Кто же незнакомым людям дверь открывает? Из-за собственной беспечности денежки профукала. Нет бы, перед тем как их пускать, позвонила в собес, справилась, работают ли там такие!

- Хорошо ты такая дельная! - шамкала беззубым ртом Зоя Прокопьевна. – Позвонила бы она, видите ли, в собес, справки навела... Да настоящие громилы придут – пикнуть не успеешь! Я в газете читала, как к одной деревенской бабке ночью трое в масках нагрянули. Кто-то им стукнул, что старушка корову про-дала – и явились в три часа ночи. «Давай, старая, деньги, - говорят. – Не то прибьем!» А бабка уже пять лет как скотину не держит. Сама у соседей молоко покупает. «Напутали вы что-то, ребята, - говорит. – Ни коровы у меня нет, ни денег. Сама от пенсии до пенсии живу». А эти ироды, не знаю, как их еще и на-звать, стали ее горячим утюгом пытаться... Да что толку? Весь дом перекопали – и всего семнадцать рублей нашли. А старушка два дня без сознания на полу пролежала, пока соседка, почувствовав что-то неладное – дверь-то в дом нараспашку - ни зашла ее проведать. Отвезли бабку в больницу – да поздно. Там и померла. Следователь из города приезжал и, как пишут в газете, обнаружил утюг со следами человеческой кожи!..

- Не приведи Господь такую смерть принять, - глядя на кукольное лицо покойной, серьезно заметила Анна Кузьминична.

И тут откуда-то из-за ближайших памятников грянуло громкое невнятное пение: «У церкви стояла карета-а-а, там пышная свадьба была-а-а... Все гости нарядно одеты-ы-ы, невеста всех краше была-а-а...»

Бланк внимательно посмотрела на Александра Николаевича и, не увидев у него в руках заветной сумки с водкой, все поняла. А Лаптев, словно пятиклассник, забывший дома дневник, виновато развел руками.

- Саша! Что я же тебе говорила! – вспомнив про свои административные функции, кинулась к мужикам Анна Кузьминична. – А ну-ка прекратить песни! Нашли где горло драть – на кладбище! Могила еще не выкопана, покойная поверх земли лежит, а они, рожи бесстыжие, уже бельма залили!

- Баба Нюра, баба Нюра! – пряча недопитую бутылку в траву, засуетился Володя Лепешкин. – Только не рычи! Все поняли. Никаких песен!

- Константин, ты же обещал, что все по-хорошему будет, - совестила она прикорнувшего на лавочке Тихонова.

- Анна Кузьминична, я за свои слова отвечаю! – стараясь держаться как можно трезвее, взметнулся над кладбищем местный Кинг Конг. – Могила готова? Тогда идем!

Чувствуя за собой вину, мужики, быстренько подхватили гроб на полотенца и притащили к самой могиле.

- Родственники, прощайтесь! – стоя с крышкой в руках объявил Володя Лепешкин. – Александр Николаевич, давайте гвозди!

- Какие гвозди? – осмотрев работу копошащихся в могильной яме копалей, присвистнул Константин. – Да тут еще и конь не валялся! С такими темпами нам здесь придется до утра кантоваться!

Пьяная орава подошла к краю могилы, осыпая в яму землю и глину. Кто-то смачно сплюнул.

- Аккуратнее! – распрямив спину, заметил снизу парень в солдатской робе. – А то сами будете копать!

- Он что-то сказал или мне послышалось? – завелся Костя Тихонов. Его кулаки уже давно ощущали знакомый зуд. И вот, наконец-то, появился реальный шанс их почесать. – А ну-ка повтори, салага, что ты сказал!

- Что слышал! – опершись на лопату, Женька попытался вскарабкаться наверх. Но, получив в лицо сильный удар ботинком, скатился вниз. Не теряя времени, его чуть живой напарник изловчился и со всей силы двинул обидчику совком по ногам. Константин согнулся от боли и, не удержавшись, заскользил в яму.

- Ребята, ребята, Господь с вами! Успокойтесь! – в один голос запричитали взбодрившиеся вдруг старушки.

Но было уже поздно. Володя Лепешкин, пытавшийся удержать приятеля от падения, запнулся за корень дерева и со всей силы грохнулся на покойную. Гроб не удержался и перевернулся прямо в могилу.

...Александр Николаевич закрыл от ужаса глаза. Кто-то из старушек громко вскрикнул. И в этот момент на новом кладбище громко заиграли Шуберта.